ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакторы раздела:

Литературоведение

АЛЕКСЕЕВ ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО "Горно-Алтайский государственный университет", (г. Горно-Алтайск)

Языкознание

КУКУЕВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики, БУ ВО«Сургутский государственный педагогический университет», (г. Сургут)

УДК 821.112.2

Chugunov D.A., *Doctor of Sciences (Philology), senior lecturer, Voronezh State University (Voronezh, Russia), E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*
Gushchina A.I., *teaching assistant, Department of Foreign Languages, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia), E-mail: anna-guschina@mail.ru*

MYTHOLOGY OF THE 20TH CENTURY IN THE BERNHARD SHLINK'S NOVEL "OLGA". In the article an attempt to consider Shlink's prose in its relation to social mythology and mythological ideas in the German national perception is made. The importance of the problem considered in article is defined by constantly growing interest of modern writers in mythological life's bases. In this article the connection between the national myths created in German people' perception at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries (about the Nazi past 1933–1945, about the home-coming, the return of "native German territories", etc.) and their art comprehension in the novel's pages of by Shlink is followed. The principal concern is attended to myths about the German superiority over other nations and about Bismarck who laid the foundation in this idea. At the same time, the actualization of key myths of the German consciousness in their connection with the national history is traced. The work gives historical information explaining Germany's aspiration to be the first in the world arena, to take "worthy place in the sun" (Kaiser Wilhelm's the Second and Chancellor B. fon Buelow's positions).

Key words: **Bernhard Schlink, Bismarck, Kaiser Wilhelm II, mythology, comprehension, German past.**

Д.А. Чугунов*, д-р филол. наук, доц. каф. истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*
А.И. Гущина*, ассистент каф. иностранных языков, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, E-mail: anna-guschina@mail.ru*

МИФОЛОГИЯ XX ВЕКА В РОМАНЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ОЛЬГА»

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть прозу Шлинка в её отношении к общественной мифологии и мифологическим представлениям в немецком национальном сознании. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы определена постоянно растущим интересом современных авторов к мифологическим основам жизни. В данной статье прослеживается связь между национальными мифами, сформировавшимися в сознании немецкого народа в конце XIX – начале XX вв. (о нацистском прошлом 1933–1945 гг., о возвращении «исконно немецких территорий» и др.) и их художественным осмыслением на страницах романа Б. Шлинка «Ольга». Особое внимание уделяется мифам о германском превосходстве над другими нациями и о Бисмарке, заложившем фундамент в основание этой идеи. Вместе с тем, в статье прослеживается актуализация ключевых мифов германского сознания в их связи с национальной историей. В работе даётся историческая справка, объясняющая стремление Германии быть первой на мировой арене, занять «достойной место под солнцем» (позиция кайзера Вильгельма II и канцлера Б. фон Бюлова).

Ключевые слова: **Бернхард Шлинк, Бисмарк, кайзер Вильгельм II, мифология, переосмысление, немецкое прошлое.**

Роман Б. Шлинка «Ольга», вышедший в свет в 2018 г., был высоко оценен литературной критикой, поставившей произведение в один ряд со знаменитым «Чтецом». Б. Хайдеманн абсолютно верно обозначила одну из причин подобного успеха, указав на то, что роман «Ольга» следует читать скорее как коллективную драму всего столетия, нежели как реальную судьбу одного человека [1].

Б. Шлинк в своих размышлениях, несомненно, двигался в русле литературной традиции XX в., связываемой с именами Т. Манна [2; 3], К. Вольф [4], Г. Грасса [5] и некоторых других авторов и подразумевавшей обращение к мифологическим основам жизни, к «воспитанию мифом» (Т. Манн) [6]. Миф как идейно-структурная единица повествования [7] позволял им не только откликаться на ключевые события эпохи, но и прослеживать в ней не объяснимые при помощи обычной, рациональной человеческой логики начала.

Более глубокое и детальное изучение художественного текста Б. Шлинка, связанное с вниманием к его мифологической составляющей, позволяет лучше понять особенности современного литературного процесса, что обусловливает **актуальность** данной статьи.

Цель публикуемой статьи состоит, таким образом, в исследовании мифологического начала в прозе Б. Шлинка на примере романа «Ольга».

В рамках настоящей статьи мы попытаемся выделить авторские отсылки к важнейшим мифологическим концептам германского сознания, проявившим себя в романе. Это позволит объяснить, почему произведение Шлинка, будучи далеко не первой попыткой осмысления недавней национальной истории, смогло вызвать к себе такой значительный интерес.

Роман построен как воссоздание долгой, сложной, но интересной жизни главной героини – Ольги. События начинаются в кайзеровской Германии конца XIX в. и простираются до 1970-х гг. Уже в самом начале повествования Шлинк делает ведущей силой всех событий в жизни Ольги миф о немецком превосходстве над иными расами. Так, Ольга ещё маленькой девочкой в одночасье теряет обоих родителей. Её забирает к себе в Померанию суровая бабушка, с пренебрежением относящаяся к девочке из-за её славянских корней по линии матери. Заметим, что до этого Ольга жила в г. Бреслау, то есть в Силезии, где население было смешанным.

Общественная идея о германском превосходстве, зародившаяся ещё во времена Бисмарка, важна для понимания развития немецкого общества на рубеже XIX–XX вв. Бисмарку удалось создать новое государство во многом благодаря тому, что он правильно оценил организующую роль *мифа* в процессе соединения разрозненных германских земель в одно целое. Шлинк обращает внимание на то, что это происходило задолго до прихода к власти Гитлера. Так, бабушка не любила свою невестку: («Гордясь своей немецкой кровью, она считала Ольгу Новак неподходящей супругой для своего сына, пусть даже Ольга и свободно говорила по-немецки» [8, с. 12–13]». Бабушка, взяв к себе внучку-сироту, первым делом попыталась изменить ей имя: «бабка пыталась растолковать ей, почему немецкое имя лучше, чем славянское» [8, с. 13]. На протяжении всего взросления Ольга постоянно ощущала ущербность из-за своего «негерманского» происхождения. Даже сестра её возлюбленного Герберта с недоумением спрашивала: «А имя? Ольга Ринке! Это же славянское имя? И почему она так важно держится со мной? Как будто она мне ровня!» [8, с. 42].

Красной нитью сквозь весь роман проходит отражение мысли о величии Германской империи, о господстве немецкого государства на мировой политической арене, главной целью которого было завоевание места «под солнцем» наряду с развитыми европейскими странами: Великобританией и Францией.

О национальном превосходстве вообще и о первенстве в освоении колониальных земель много размышляет, например, Герберт – возлюбленный Ольги, немец «до мозга костей»: «Он гордился и Германией, молодой империей, с молодым императором, гордился и своими родителями, и поместьем своей семьи» [8, с. 20]. Вот что он пишет в письме Ольге о «миссии белых народов», находясь на службе в колониальных войсках: «необходимо господство немцев… Мы побеждаем ради нашего и ради их блага. Черные – человеческая порода, которая еще находится на *низшей ступени культуры*, у них отсутствуют *наши высшие и лучшие качества*, такие как усердие, благодарность, сочувствие, и вообще у них нет никаких идеалов» [8, с. 65] (*курсив наш* – А.Г.). Обращаясь к истории германского государства, следует сказать, что при кайзере Вильгельме II (прав. в 1888–1918 гг.) Германия активно усиливала сферу своего колониального влияния путем увеличения количества торговых представительств в разных концах света. По приказу кайзера и с подачи канцлера Б. фон Бюлова наращивался военный потенциал. По мнению канцлера, Германия была достойна «занять свое место под солнцем», несмотря на то, что «пришла слишком поздно» [9].

Шлинк показывает, как древний миф о величии *своего народа*, использованный Бисмарком для собирания разрозненных германских государств в большую империю, постепенно превращается в националистический миф XX века. Взросление Ольги, её становление как личности приходятся на годы Первой мировой войны и Веймарской республики. Зрелая Ольга оказывается свидетельницей прихода нацистов к власти и Второй мировой войны, а пожилая Ольга наблюдает мирную послевоенную жизнь. В этом отношении Шлинк раздвигает рамки повествования по сравнению с «Чтецом». В романе «Ольга» героиня частично снимает вину с Адольфа Гитлера в мировой трагедии, считая истинным виновником создания мифа о превосходстве немецкой нации и о стремлении Германии к мировому господству не его, а Отто фон Бисмарка – первого канцлера Германской империи. Именно поэтому в первой части романа такое заметное место уделено судьбе Герберта – типичного немца, заразившегося идеей немецкого величия.

Герберт был одержим манией завоевания мирового господства Германией. Например, «10 мая 1910 года Герберт выступил на заседании Тильзитского отечественного и исторического общества с докладом о задачах Германии в Арктике». Главными тезисами его доклада стали «воспитание немецкой мужественности, немецкая отвага и немецкий героизм в Арктике», – замечает автор [8, с. 88].

Укажем здесь на рассуждения Ф. Майнеке (1892–1954), немецкого историка и философа, после Второй мировой войны опубликовавшего книгу «Германская катастрофа» («Die deutsche Katastrophe», 1946). Майнеке утверждал, что допущение нацистского режима в Германии являлось результатом идейного кризиса немецкого общества. Мейнеке считал, что главной причиной взлета Третьего рейха стала растущая одержимость Германии мировым господством, начавшаяся в конце XIX в. во времена Бисмарка и еще более усилившаяся в дни кайзера Вильгельма II и Первой мировой войны [10]. Вполне возможно, что Б. Шлинк учитывал его парадоксальный тезис о ключевой роли именно Бисмарка в становлении идеологии Третьего рейха. Несомненны переклички между философски-культурологическими положениями Майнеке и сюжетными решениями Шлинка. Так, типичность происходящего подтверждается тем, что Герберт в романе не одинок в своем воодушевлении будущим Германии. Например, в канун Нового года в имении Шредеров собирается светское общество, празднующее поднятие флага в новой германской колонии Самоа: «наконец-то Германия по достоинству заняла подобающее ей место среди государств мира» [8, с. 49–50]. Именно об атмосфере, царившей на таких светских раутах, Майнеке писал: «Это дух Бисмарка не дает нам принести в жертву свои жизненные интересы, именно он заставил нас принять героическое решение вести масштабнейшую борьбу против Востока и Запада. Именно такой смысл заложен в словах Бисмарка, сравнившего Германию с сильным мужчиной «с двумя крепкими кулаками по одному для каждого врага» [10].

Еще один миф немецкого сознания, на который следует обратить внимание в романе, – это древний в своей сути *миф о возвращении*, актуализировавшийся в сознании немцев после поражения во Второй мировой войне. Историки отмечают в целом жестокую и безоговорочную депортацию немецкого населения из тех областей, которые по итогам войны отходили к Польше, Чехословакии, СССР – Восточной Пруссии, Силезии, Судетской области.

Ольга бежала из родных земель из страха перед наступавшей Советской армией. И здесь Шлинк не просто отражает названный миф в сюжете романа, но подвергает его глубокому осмыслению. С одной стороны, в 1945 г. Ольга в потоке беженцев отправляется из Силезии, где уже гремит война, в *спокойную* Германию и символически приходит в город на берегу Неккара: «Он не был разрушен, и здесь Ольга почувствовала: вот и пришла» [8, с. 118]. Здесь ощущаются явные аллюзии на времена *неразрушенной* Германии прошлого. Происходит возвращение героини к тому, что ассоциируется с классической культурой страны, например, с романтической эпохой, с жизнью Гельдерлина и т.п. Автор метафорически изображает *возвращение* героини к спокойной жизни, где нет места войне и нацизму, к прежней культуре и гуманности.

С другой стороны, Шлинк не обходит вниманием то обстоятельство, что на территории ФРГ вскоре после Второй мировой войны возник Союз изгнанных («Bund der Vertriebenen, BdV», осн. в 1950 г.), выступающий за возвращение «исконно немецких территорий» Германии. Именно поэтому Ольга, даже будучи уже пожилой женщиной, не оставляет мысль о возвращении на исконную родину. Актуализации художественного мифа об Одиссее способствовали и такого рода события.

Напряжённая работа немецкого сознания, связанная с осмыслением недавнего прошлого предстаёт в понимании Шлинка такой сложно именно потому, что она неизбежно наталкивается на сопротивление *мифа*, в принципе не допускающего рефлексии. Речь здесь идёт не только о нацистском прошлом и о взгляде на него, бросаемом из послевоенных десятилетий. Шлинк мыслит шире, показывая, как любое прошлое легко обрастает мифологическими допущениями и трансформациями. Так, например, рассказывая своему сыну Айку о великих деяниях его отца, Ольга «словно начисто забыла все, в чем раньше упрекала себя. Позднее она спохватилась – не дай бог, Айк заблудится в жизни так же, как Герберт, – Герберт ведь заблудился и, в конце концов, погубил и себя, и своих спутников. Но спохватилась поздно – она уже не имела влияния на Айка» [8, с. 110].

Несмотря на то, что Ольга – учительница, она не в состоянии повлиять на сознание Айка, который трагически повторяет ошибки своего отца. И здесь Б. Шлинк снова выделяет значимые детали: Айк воплощает собой идеального немца: «высокий, белокурый, голубоглазый, с открытым лицом, стройный, по-спортивному подтянутый, обходительный» [8, с. 110]. Став членом НСДАП, Айк размышляет о роли различных наций в мировой истории и, устремляя свой взгляд на Восток, решительно выступает за «преображение славянского убожества в германское великолепие» [8, с. 111]. Подобное стало возможным благодаря возрожденному Гитлером *мифу о немецком величии и могуществе*. Шлинк изображает времена, когда фигура Гитлера явно ассоциировалась с мифологической фигурой национального героя. В связи с этим поражение Германии в 1945 г. стало куда более катастрофичным, чем поражение в Первой мировой войне, потому что оно вторично наносило удар по распространённому мифу.

Концептуальную организованность повествования подтверждает введение в сюжет ещё одного персонажа – Фердинанда, молодого человека, для семьи которого Ольга шила одежду после Второй мировой войны.

Фердинанд увлечен идеями студенчества 1968 года. И Ольга видит, что он в своей борьбе против старых традиций, стремясь создать новое общество и нового человека, так же, как и Герберт, и Айк, ступает на опасную дорогу. Сознание Фердинанда в любой момент может быть захвачено очередной волной упования на грядущее немецкое величие. Так Б. Шлинк выстраивает важную линию персонажей: дед – отец – внук. На судьбе разных поколений прослеживается актуализация ключевых мифов германского сознания в их связи с национальной историей.

Авторская позиция примечательна тем, что Фердинанд однако ведёт себя несколько иначе по сравнению с Гербертом и Айком. Он выступает в роли не активного действующего лица, а подчёркнутого *наблюдателя* событий прошлого и настоящего. В особенностях его восприятия услышанных от Ольги историй чувствуется напряжённая аналитическая работа сознания, что чрезвычайно важно для автора. Б. Шлинка как автора интересуют, помимо названных, и мифы об исключительной немецкой вине, и различные религиозные, социальные, гендерные мифы, влияние которых сказалось на ходе национальной истории в XX в.

Таким образом, Б. Шлинк в романе «Ольга» поднимается от осмысления отдельных крупных или мелких исторических обстоятельств к попытке построения картины происходящего в самом универсальном смысле, к тому неуловимо общему, что определяет жизнь нации в целом.

Проведённый анализ показывает, что Б. Шлинк целенаправленно прослеживает взаимосвязь между национальными немецкими мифами, сформировавшимися на рубеже XIX–XX вв., и поведением своих персонажей. При этом особенно важно, что особая роль отводится *мифу о германском превосходстве*, который привёл Германию к катастрофе в 1945 г. В рамках настоящей статьи впервые указывается на особенную авторскую логику в повествовании, согласно которой именно указанный миф, зародившийся во времена Бисмарка и прочно укоренившийся в общественном сознании, проявляет себя на протяжении всего XX в., определяя особенности мышления нескольких поколений немцев.

Библиографический список

1. Heidemann B. Bernhard Schlink erzält vom Drama eines Jahrhunderts. *Wiener Allgemeine Zeitung.* 2018; 10. Jan. Available at: https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html
2. Манн Т. *Волшебная гора*. Москва: АСТ, 2004.
3. Манн Т. *Иосиф и его братья.* Москва: АСТ, 2010.
4. Вольф К. *Кассандра. Медея.* Москва: АСТ, 2014.

5. Грасс Г. *Мое столетие*. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2013. Балла О. Томас Манн. Воспитание мифом. *Перемены.* 2010. 6 июня Available at: https://www.peremeny.ru/blog/5330
6. Eliade M. *Myth, Dreams and Mysteries*. M. Eliade. NY : Harper, 1960.
7. Шлинк Б. *Чтец:* роман. Пер. с нем. Б. Хлебникова. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука – Аттикус, 2018.
8. Бонвеч Бернд. *История Германии*. Том 2. От создания Германской империи до начала XXI века. Москва: Изд-во «КДУ», 2008. Available at: https://history.wikireading.ru/156848
9. Meinecke F. *Die deutsche Katastrophe*: *Betrachtungen u. Erinnerungen*. Wiesbaden : Brockhaus, 1965.

References

1. Heidemann B. Bernhard Schlink erzält vom Drama eines Jahrhunderts. *Wiener Allgemeine Zeitung.* 2018; 10. Jan. Available at: https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html
2. Mann T. *Volshebnaya gora*. Moskva: AST, 2004.
3. Mann T. *Iosif i ego brat'ya.* Moskva: AST, 2010.
4. Vol'f K. *Kassandra. Medeya*. Moskva: AST, 2014.
5. Grass G. *Moe stoletie*. Sankt-Peterburg: Amfora. TID Amfora, 2013. Balla O. Tomas Mann. Vospitanie mifom. *Peremeny.* 2010. 6 iyunya Available at: https://www.peremeny.ru/blog/5330
6. Eliade M. *Myth, Dreams and Mysteries*. M. Eliade. NY : Harper, 1960.
7. Shlink B. *Chtec:* roman. Per. s nem. B. Hlebnikova. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka – Attikus, 2018.
8. Bonvech Bernd. *Istoriya Germanii*. Tom 2. Ot sozdaniya Germanskoj imperii do nachala XXI veka. Moskva: Izd-vo "KDU", 2008. Available at: https://history.wikireading.ru/156848
9. Meinecke F. *Die deutsche Katastrophe*: *Betrachtungen u. Erinnerungen*. Wiesbaden : Brockhaus, 1965.

Статья поступила в редакцию 14.07.19

УДК 821.161

Aminova Kh.M., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Literature of Peoples of Dagestan, DGU (Makhachkala, Russia), E-mail: uzlipat066@mail.ru*
Abdulbasirova M., *undergraduate, DGU (Makhachkala, Russia), E-mail: uzlipat066@mail.ru*

TRADITIONAL SILLABICA AND INNOVATION HAVE BASIL MAGOMED IN THE AREA OF METRICS AND RHYTHMICS. The article analyzes the poems Basil Magomed. It is noted that the originality of the creative individuality of Abasil Magomed – poet is manifested not only in a kind of contamination of the leading motives, but also in the features of versification, that is, the methods of metric-rhythmic organization of poetic speech. The search for rhythmic passages are the poet in two equally important directions: further development of the traditional sizes ranging ravnomernoi sillabica and destruction of strict verse forms the rhythmic articulation of the poetic text. In his poetic Arsenal, along with the traditional size, we find many new variations, rarely used in the Avar verse. The rhythm of many poems by Abasil Magomed is characterized by the fact that, while remaining within the syllabic system of poetry, he prefers to vary its size, finding much more of his freedom. In his quest for the emancipation of verse intonation live spoken language, the poet comes to the use of four -, five-, six-step sizes.
Key words: **versification, Syllabics, metrics, innovation, rhythm, Avar literature, art searches, style.**

Х.М. Аминова, *канд. филол. наук, доц. каф. литературы народов Дагестана, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru*
М. Абдулбасирова, *магистрант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru*

ТРАДИЦИОННАЯ СИЛЛАБИКА И НОВАТОРСТВО АБАСИЛ МАГОМЕДА В ОБЛАСТИ МЕТРИКИ И РИТМИКИ

В статье проводится анализ стихов Абасил Магомеда. Отмечается, что своеобразие творческой индивидуальности Абасила Магомеда – поэта проявляется не только в своеобразной контаминации ведущих мотивов, но и в особенностях версификации, то есть способах метрико-ритмической организации стихотворной речи. Поиски ритмических ходов идут у поэта в двух, одинаково значимых, направлениях: в дальнейшей разработке традиционных размеров в пределах равносложной силлабики и разрушении строгих стиховых форм ритмическим членением стихотворного текста. В его поэтическом арсенале наряду с традиционными размерами, мы находим множество новых вариаций, редко употребляемых в аварском стихе. Ритмика многих стихов Абасила Магомеда характеризуется тем, что, оставаясь в пределах силлабической системы стихосложения, он предпочитает варьировать его размеры, находя значительно большую его свободу. В своем стремлении к раскрепощению стиха интонацией живой разговорной речи, поэт приходит к использованию четырех-, пяти-, шестиступенчатых размеров.
Ключевые слова: **стихосложение, силлабика, метрика, новаторство, ритмика, аварская литература, художественные поиски, стиль.**

Абасил Магомед вошёл в литературу с большим жизненным опытом, накопленным за долгие годы педагогической работы. В 1965 году, проработав пятнадцать лет сельским учителем, Абасил Магомед поступил на заочное отделение Литературного института имени М. Горького в Москве. В 1971 году. После окончания института был принят на работу в Дагестанское книжное издательство, где он проработал всю жизнь. Работа в качестве редактора стала настоящей школой и для его личного творчества: он глубоко изучил свою национальную литературу, творчество современных ему аварских писателей, их место и роль в литературном процессе.

Как справедливо отметила М.Х. Гаджиахмедова: «Вряд ли в аварской литературе можно назвать имя другого писателя, который, будучи приверженцем художественных традиций своего народа, в то же время так целенаправленно и последовательно работал бы в поисках новых средств художественной изобразительности и выразительности. Он существенно обогатил художественный строй аварской поэзии новыми жанрами, видами, новыми необычными стихотворными размерами, их поэтической организацией, звуковой инструментовкой, необычайными поэтическими тропами и фигурами, синтаксисом. Его поиски и находки заслуживают серьезного научного осмысления» [1 с. 44].

Исследователи отмечают новаторские художественные поиски Абасил Магомеда, которые наиболее полно проявились в области метрики, строфики и фоники. Как известно, для дагестанской поэзии характерна силлабическая система (от греч. sellabikos – слог) стихосложения, которая связаны с природой наших языков. Как справедливо считал В.Е. Холшевников, в «основу системы стихосложения, в основу ритма стиха может лечь только существенный признак фонетической системы языка, отчетливо воспринимаемый слухом» [2, с 5]. Существенным признаком языка, от которого зависит стихосложение того или иного народа, является особенность ударения и гласных звуков, то есть фонетические возможности языка, отчетливо воспринимаемые и говорящим, и слушающим. Если с этой позиции рассматривать качество ударения и звуков в аварский языке, то мы обнаруживаем, что гласные не отличаются долготой и краткостью, они слабо выполняют фонетическую роль, возможна их взаимозаменяемость (о-у; е-и), от которого не меняется лексическое значение слова. Таким образов соразмерность строк в аварской поэзии определяется тем, что в каждом было равное количество слогов. Равносложие в стихах является основой их ритмической организации. Однако не следует думать, что силлабический стих ощущается авторами только как письменный. Равенство в числе слогов порождает временную соразмерность строк при чтении. Причем характерными для всей дагестанской народной поэзии являются 7 и 11-сложные формы, для произнесения которых требовалось 5-6 секунд – оптимальное время восприятия ритмических повторов. Размеры силлабического стиха, характерные для аварской поэзии включают довольно широкий спектр строк, состоящих из от 3 до 16 слогов. Как в народной, так и в авторской аварской поэзии широкое применение получили 7-11-14- сложные стихотворные размеры. Как известно, в структуре стиха, основанного на равносложии, цезура является важным элементом ритмической организации стиха. Все